

Источник: Козлов И. Дни нашей жизни : рассказ и современность / И. Козлов // Наш современник. – 1966. – № 2. – С. 104.

И. Козлов

Дни нашей жизни

РАССКАЗ И СОВРЕМЕННОСТЬ

1

современность...

Как часто встречаешь это слово в статьях критиков, литературоведов, публицистов. Сколь велико бывает желание художников написать именно о том, что волнует душу советского человека в наши дни и как эта душа откликается на зов времени, в себе самой несет его неповторимые приметы. В последние годы обо всем этом — по понятным причинам — много спорят.

Понятие современности, естественно, связано с известным отрезком из жизни советского общества. Но значит ли это, что должен быть проведен своеобразный Гринвичский меридиан, рассекающий пройденный нашим народом путь на историю и современность? Что существует рубеж, от которого и следует начинать исчисление современных событий? Нет и нет. И намерение некоторых литераторов в не столь давнем прошлом провести такой меридиан по 1953 году оборачивалось самой что ни на есть схоластикой, не разъясняло, а запутывало вопрос.

Слов нет, последнее десятилетие — наи-

более животрепещущая наша современность, хотя бы по одному тому только, что оно — относительно наиболее близко отстоящий от сегодняшнего дня период времени. Но сама действительность и практика литературы заставляют смотреть на проблему глубже, диалектичнее. Во всей советской эпохе литература находит темы, которые взяты будто из нашего сегодня, столь много в них точек соприкосновения с днем настоящим: направление мысли, горение человеческой души, неугасающая страсть.

Такой остросовременной темой, на мой взгляд, является тема народной героики — связана ли она с периодом Великой Отечественной войны, с годами первых пятилеток или с еще более ранним этапом истории Советского государства. И особенно, пожалуй, с периодом войны: подвиг советских людей — на фронте и в тылу — самый великий пример человеческой самоотверженности, мужества для каждого, кто сегодня в упорном труде созидает коммунизм.

Примеры? Сколько угодно. Но из множества рассказов о войне, появившихся в последнее время, мне хочется остановиться на рассказе В. Богомолова «Зося», примечательном не только и даже не столько

Решительность, принципиальность, кристальная честность «революционных яковинцев» сделали из ВЧК, по словам Ленина, то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были значительно сильнее нас.

В мае 1921 года я был направлен на дипломатическую работу в Афганистан, а потом в Турцию. Вернувшись в 1926 году, я узнал, что Дзержинский умер от паралича сердца после пламенной речи на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 20 июня 1926 года, направленной против троцкистско-зиновьевской оппозиции.

Восстанавливая в памяти облик этого великого революционера, самоотверженного, кристально чистого, честного и предельно скромного, я невольно вспомнил еще о двух особенностях его характера. Первой являлась его необыкновенная любовь к детям. Все мы любим детей, но Дзержинский их любил, если можно так выразиться, «конкретно»: он интересовался судьбой каждого ребенка, условиями его жизни, и всегда находил возможность как-то ему помочь.

В 1921 году, как следствие империалистической и гражданской войн, в нашей стране было около четырех миллионов беспризорных детей. Ф. Э. Дзержинский предлагает поручить ему ликвидацию детской беспризорности. 27 января 1921 года Президиум ВЦИК утвердил Ф. Э. Дзержинского председателем Комиссии по улучшению жизни детей.

Второй особенностью Ф. Э. Дзержинского являлось чисто ленинское умение заботиться о других и оказывать им помощь таким образом, чтобы они не знали, от кого она исходит.

Летом 1924 года Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична Ульянова, на руках которых скончался Владимир Иль-

ич, перенесли тяжелое нервное заболевание. Их направили в Кисловодск на лечение. Ф. Э. Дзержинский заранее сделал все, чтобы их встретили и хорошо устроили, и очень был озабочен тем, как уговорить Надежду Константиновну и Марию Ильиничну подольше пробыть в санатории и основательно подлечиться.

Много лет спустя после его смерти мне пришлось лобызать в селе Тасееве, расположенном на тракте в 150 километрах от Канска. Это старинное сибирское село, которое очень разрослось за годы Советской власти. Когда-то по этому тракту шли на каторгу партии политических. В деревне Хандалы, что в пятнадцати километрах не доходя Тасеева, партии останавливались. Снимали кандалы, и каторжане, раскованные, шли дальше, через Тасеево, в село Троицкое — на соляные копи. В самом Тасееве селили ссыльных.

Теперь, если въехать в это село по Буденновской улице, которая тянется километра два, то доедешь до почты, а от нее сворачивает налево в гору Дзержинская улица. На углу стоит деревянный старенький дом, к стене которого прибита мемориальная доска. Сюда, приговоренный к вечному поселению в Сибири, в 1909 году был доставлен Ф. Э. Дзержинский. Через семь дней после прибытия он бежал. Это был его третий побег. Дикая тайга и сейчас окружает село; осень делает дороги непроходимыми. В те годы даже самые лучшие ямщики в осенние месяцы не решались выезжать в город. Нужно было иметь душу орла, чтобы из этой глуши решиться бежать за тысячи километров в другую часть света и снова продолжать борьбу, зная, что тебе опять грозит ссылка или тюрьма. •

И этот революционный порыв, несгибаемую волю и готовность жертвовать собой ради дела коммунизма Дзержинский сохранил до конца жизни. Он умер, защищая то, что ему было дороже всего, — чистоту ленинского учения.

своей проблематикой, материалом, сколько талантливостью изображения, то-есть тем главным, без чего нет и не может быть настоящего искусства и о чем мы все еще говорим мало. По силе живописи, эмоциональному воздействию «Зося», пожалуй, не уступает превосходному рассказу этого же автора — «Иван».

Война в «Зосе» предстает в несколько своеобразном аспекте, это как бы свет отраженный. События происходят не на поле боя, а во фронтовом тылу, в небольшом польском селе, куда после серьезных потерь отведена мотострелковая бригада.

Благословенны часы редкого солдатского отдыха, когда над тобой не свистят вражеские пули, не падают на голову бомбы и есть возможность рассмотреть «хрустальной прозрачности воду» в реке, «освященное солнцем песчаное дно», заметить, как висят «над самым зеркалом воды и над берегом... голубые с перламутровым отливом стрекозы», и вдыхать не сизо-желтый, отдающий чесночным запахом тротильный дым, а полной грудью пить «свежий и крепкий аромат медвяных цветов и росы», и вдоволь насладиться стихами Есенина...

С самого начала, с завязки, автор характерными деталями, тональностью фразы создает настроение, во власти которого ты находишься до конца рассказа, до последней фразы — сожаления героя, от лица которого ведется повествование, что в его жизни «и впрямь — по какой-то случайности — не состоялось что-то очень важное, большое и неповторимое...».

Но всем эмоциональным строем писатель дает почувствовать: то, что происходит с его героями в течение трех дней вкушения земной благодати, не главное в их судьбе. Оно, это главное, на тех многотрудных и тревожных дорогах, что легли за плечами воинов.

Начальнику штаба батальона — от его лица ведется рассказ — предстояло заполнить 203 бланка на убитых (двести три в одном подразделении!), и в памяти его отчетливо встал «восьмисоткилометровый путь, пройденный... за месяц наступления».

«И вновь на моих глазах тонули в быстром холодном Немане автоматчики из группы захвата старшего лейтенанта Аббасова, веселого и жизнерадостного бакинца, часа два спустя — уже на плацдарме — раздавленного тяжелым немецким танком.

Опять я слышал, как, лежа с оторванными ногами на минном поле, кричал, истекая кровью, мой связной Коля Брагин, славный и привязчивый деревенский паренек, единственный кормилец разбитой параличом матери.

Я снова видел, как через пустошь на окраине Могилева, увлекая за собой бойцов и силясь преодолеть возрастную отдышку, бежал впереди всех пожилой и мудрый человек, в прошлом инженер-механик, парторг батальона лейтенант Ломакин, и падал на самом всполье, разрезанный пулеметной очередью».

...И потому, что герои рассказа прошли в боях свой «восьмисоткилометровый путь» достойно, они и в неизбежную на войне межбоевую паузу предстали достойными советскими людьми. Нравственными. Благородными. Ничего особенного как будто и не происходит с ними за три дня отдыха. Они знакомятся с местными крестьянами, рассказывают им о своей стране, укрепляют их веру в лучшее завтра, помогают по хозяйству, а главный герой робко и застенчиво влюбляется в совсем еще молодую девушку Зося. И все у героев происходит естественно, без нарочитости, без намерения казаться, и в этой естественности чувств — пленительность повествования.

«Зося» — рассказ ясный и емкий. В нем много эмоций, и мысль его о невозможности человеку — пока идет война — насладиться тем земным, что положено людям по их человеческому праву, мысль, что война, развязанная фашистами, разрушает счастье людей, предстает по ходу действия то одной, то другой своей стороной.

Тревожная эта мысль и сегодня, спустя уже более двадцати лет после нашей победы над немецким фашизмом, постоянно напоминает о грозной опасности для человечества, заставляет задумываться и действовать, ибо хотя и нет на земле Гитлера, но остались его многочисленные наследники, и не в одной только Западной Германии. И пылают зажженные ими очаги «малых» войн, которые империалисты стремятся превратить в войну всепланетную.

Своим мобилизующим пафосом рассказ В. Богомолова созвучен и близок нашим дням.

Современны по своему звучанию рассказы В. Субботина, собранные им в книгу «Как кончаются войны»; в этих лирических

миниатюрах в своеобразном слиянии документальности и художественного вымысла выражен жизненный и эмоциональный опыт писателя, начало которого (опыта) — в подвиге народа, проявленном в битве за Родину...

Очень хорошо, что военная тема не перестает волновать и вдохновлять советскую литературу.

2

По самой природе жанра рассказ не в меньшей мере, чем очерк, призван успевать за днем летящим, и, конечно же, дни сегодняшние, многообразная жизнь и деятельность современника — основное поле, на котором проявляет себя талант рассказчика.

На самый стрезень современности литературная река выносит, как правило, те рассказы, проблематика которых связана с наиболее острыми сторонами народной жизни, а героями их выступают люди интеллектуально-действенные, способные вдумчиво анализировать животрепещущие вопросы действительности. Такие герои не оставляют читателя безучастным: их хочется активно, всем сердцем поддерживать, а если они ошибаются — не менее активно опровергнуть.

Одна из особенностей рассказов, затрагивающих наиболее существенные проблемы современности, особенностей, пожалуй, даже принципиального порядка, состоит в том, что заметное место в них отводится публицистике — и в выражении общего идейного лафоса, и в решении той или иной частной задачи. Но публицистика эта в отношении художественности не «параллельный ряд», а такое с ней сочетание, в котором художественность обретает публицистическую темпераментность, а публицистичность получает силу эмоциональности, значительности.

Элементы такого своеобразного стилевого симбиоза весьма ощутимы, например, в рассказах В. Кетлинской, вошедших в ее книгу «День, прожитый дважды».

В. Кетлинская — художник, остро чувствующий время, и многие из ее рассказов находятся подлинно на быстрине жизни. Проблемы, волнующие героев автора, волнуют широкие массы советских людей: как жить и каким быть в эпоху развернутого строительства коммунизма.

Не малое место в днях минувших мы отводили (да и сегодня отводим) проблеме культа личности, и это глубоко занимает героев В. Кетлинской. Сложные и противоречивые эти явления в некоторых произведениях советской литературы брались с непозволимой легкостью, собственно, даже не брались — к ним прикасались по любому поводу, словно забывая, что обязанность искусства в отношении к сложным общественно-политическим проблемам состоит не столько в констатации, сколько в выяснении, как и вследствие чего они возникли. И уж по меньшей мере — в серьезном, вдумчивом их изображении.

Автору рассказов «День, прожитый дважды» чужда легкость в подходе к показу тех тeneвых событий нашего прошлого, что явились трагическим следствием отступления от ленинских норм, к отрицательному в жизни сегодня. Позицию писательницы следует характеризовать вместе с тем и как по-настоящему умную, глубокую. Потому такое существенное место в ее рассказах занимает мысль.

Просто, даже очень просто строит В. Кетлинская, например, конфликт рассказа «Плато выше туч», столь же просто включает в действие героев. Повествование ведется словно бы на параллельных курсах: молодежь — старики, «старики» — молодежь. Но в этом простом построении выявляется идея о преемственности поколений. Немалую аналитическую работу проделывает автор, раскрывая внутренний мир своих молодых героев, в настроениях которых кое-что от «умозрения» тех неоперившихся юнцов, что способны с легкостью необычайной сводить алгебру нашей общественной жизни к четырем действиям арифметики и «глубокомысленно» недоумевать, и восклицать, и обличать. Писательница не упрощает ни на йоту. Ведя дальше исследование жизни с позиции «стариков», олицетворяющих поколение, на своих плечах вынесшее тяготы первых лет Советской власти, пятилеток, Великую Отечественную войну, она столь же глубока и принципиальна: оценивает явления с разных сторон, рассматривает молодежь «в большом процессе общественного обновления». Только так можно прийти к верному выводу.

«То, что мы сделали и делаем, они (молодежь. — И. К.) ценят... На любое дело

повози — они тут; хоть в пески, хоть в тундру, — не хуже нас. К думающему, хорошему человеку они тянутся — любознательно, с доверием. Дай совет — прислушаются. Не любят это подчеркивать? Так и мы не любили! Тоже брыкались, норов показывали, а умное слово все же ловили. Зато подчиняться бездумно — и мы не хотели, и они не хотят. А зачем нам тихонькие да послушные? Мы ж не чинуш, а коммунистов растим! Для творчества, для новых поисков и решений».

Так размышляет героиня рассказа «Плато выше туч» бывалый человек Вера Васильевна. Но эти слова по-своему производят или могли бы произнести многие положительные персонажи писательницы. Главный идейный пафос ее рассказов — растить настоящих, «с огоньком», людей, коммунистов, растить «для творчества, для новых поисков и решений»...

Вспоминается один из последних рассказов А. Яшина «Угощаю рябиной», — произведение с острой мыслью. Можно лишь сожалеть, что он почему-то остался не замеченным критикой. Достоинства его — убежденность лирического героя в правоте того, что он утверждает, задушевность разговора с читателем, эмоциональная интонация, способная тронуть сердце.

Рассказ А. Яшина это словно бы воспоминание о детстве и юности, но не как о поре, которая, пожалуй, наиболее мила всякому, а о поре, что составляет корень жизни человеческой, и он, этот корень, во все годы питает людей соками родной земли.

«...Дело не в возрасте, — исповедует свою душу герой. — Дело в том, что я был и остаюсь деревенским, а дети мои городские, и что тот огромный город, к жизни в котором я так и не привык, для них — любимая родина. И еще дело в том, что я не просто выходец из деревни, из хвойной глухомани, — а я есть сын крестьянина, они же понятия не имеют, что значит быть сыном крестьянина. Поди втолкуй им, что жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам — и мне трудно. Хорошо у них идут дела — и мне легко живется и пишется. Меня касается все, что делается на той земле, на которой я не одну тропку босыми ногами

выбил; на полях, которые еще плугом пахал; на пожнях, которые исходил с косой и где метал сено в стога».

Чувство героя рассказа сродни тому, что у С. Есенина выражено словами: «У меня отец — крестьянин, ну, а я — крестьянский сын»; в чувстве этом не заключено никакой деревенской ограниченности, как в сожалении героя, что его дети-горожане не знают сложной и трудной прелести сельской жизни, нет и намека на модную в нашей литературе «проблему» отцов и детей. Все тут по-другому, а мысль авторская о связи человека, в данном случае художника, с родной землей, с народом — мысль содержательная и верная.

Рябина в рассказе — поэтический образ России, многое здесь решено средствами поэзии, и потому так трогают авторские строки о колодезных журавлях, о грибах, о клюкве, о рябине...

Публицистичность, как одно из действенных выражений современности, в рассказе А. Яшина проявилась по-иному, чем в рассказах В. Кетлинской; во многом это предопределено разностью творческих манер, художественных почерков писателей.

3

Абсолютно ясно, что ни одна из сторон жизни современника не является для рассказчика запретной, и критика не вправе отлучать от реализма те рассказы, в которых дается изображение отрицательных явлений, как и видеть в авторах таких произведений неблагожелателей нашей действительности. У кого какой талант, к чему больше лежит сердце. Но непереносимым условием остается, чтобы кригика не переходила в очернительство, и за одним гнилым деревом для писателя не исчезал большой, здоровый, могучий лес социализма.

Есть, однако, особая обаятельность в рассказах, которые показывают хорошее в жизни, прославляют торжество разума и рук человеческих, неодолимость его мечты. Это обаятельность красоты живого. Не по мановению волшебника, появляющегося на свет божий, а утверждающего себя в борьбе. Это красота чувства матери, в муках родившей ребенка. Рыбачьего паруса, идущего наперекор свирепым и коварным волнам. Ученого, на грани жизни и смерти совершающего выдающееся открытие.